

Светлану Захарову называют лицом Большого театра. Она танцует все ведущие партии. Входит в пятерку лучших балерин мира. Ее имя уже вписано в историю страны. А ведь ей всего-то 27!

Крестный отец Барышников

— Поделитесь впечатлениями о недавних гастролях в Японии и Милане. Я слышала, был такой триумф, что охрана едва сдерживала поклонников...

— Там всегда так. Большой принимают потрясающе. Мы показывали «Баядерку». До нас в Японию с той же «Баядеркой» приезжал парижский «Гранд-опера». Но на наших спектаклях залы все равно были переполнены. А после выступлений на выходе из театра сотни поклонников кричали «Захарова!», тянули ко мне руки. Да, секьюрити пришлось поработать. Это притом что в Японии публика очень искушенная — зрители многое видели, все лучше обязательно привозится к ним... А в Италии у меня есть даже свои фан-клубы: люди просматривают записи моих спектаклей, обсуждают, вывешивают на сайтах фото... И в последний раз принимали очень тепло. И в Милане, и в Токио меня узнают на улицах.

— А у нас?
— Когда как. Балетоманы узнают. А у широкой публики на памяти имена и лица тех, кто ходит на тусовки, создает вокруг себя шум. Я не из их числа.

— Правда ли, что начало вашей мировой славе положил Михаил Барышников?

— В 1999 году Мариинский театр, в котором я тогда работа-

Николай Цискаридзе дарит Светлане чувство локтя...

Светлана Захарова:

Горжусь поклонником Ивом Сен-Лораном

ла, выступал в Версале, под Парижем. У нас были гала-концерты. На генеральную репетицию пришел Михаил Барышников. Позже я узнала, что он позвонил директору «Гранд-опера» и сказал: «Сходи посмотри, там есть интересная девочка». Я об этом и не подозревала. Вскоре дома раздался телефонный звонок из Парижа. Мне предложили танцевать в «Гранд-опера». Повесив трубку, я долго не могла ничего сказать, только кричала от радости. «Что случилось?!» — спросила мама. Когда я ей все рассказала, кричали вдвоем. Ведь парижский театр закрыт для приезжих, они очень трепетно относятся к собственной труппе, культивируют все свое, национальное, а русских до меня там не было 13 лет! У меня был шок. И вот пять сезонов подряд я танцую на сцене «Гранд-опера»!

— Ну вот — как в Париже, так сразу согласились, а в Большой перейти из Мариинки трижды отказывались!

— Это разные вещи: в «Гранд-опера» — индивидуальные, оговоренные по времени гастроли, а в Москве — постоянная работа. Очень серьезный шаг. Я к нему профессионально и эмоционально готовилась. — Когда все же перешли, долго осваивались в столичной труппе? — Месяца два. Я как-то сразу полюбила и сцену Большого, и атмосферу этого театра, и коллектив... Уже три года мы вместе. Я научилась владеть своими эмоциями. Считаю, к людям надо относиться аккуратно и уважительно: если человек, работающий рядом с тобой, десять раз не может понять, что от него требуется, но ты все равно будешь корректно объяснять и требовать — с одиннадцатого поймет! И вообще все будет хорошо.

— А питерские балетоманы не предали вас анафеме из-за «предательства» Мариинки? — Ох, как я переживала, приехав на гастроль в Мариинский театр в первые после перее-

хода в Большой! Жуткое было состояние (смеется). Но как только вышла на сцену, раздался аплодисменты и такая хорошая волна пошла из зала... От сердца сразу отлегло: значит, все, как прежде! Как здорово, какое счастье!

горький поцелуй

Фарух Рузиматов, народный артист России, солист Мариинки

Ее уход в Большой — трагедия для меня — Света Захарова — уникальное явление в балете. На мой взгляд, в балетном мире таких, как она, больше нет. Она сконцентрировала в себе много разных свойств: и великолепные физические данные, и актерское дарование, и трудолюбие, и очень внимательное отношение к партнеру на сцене. Да, взаимоотношения с партнерами — тоже талант! Для меня уход Светы в Большой — трагедия личная, а для Мариинки — потеря страшная, невозможная. Но такие балерины, как Светлана, должны принадлежать миру, а не какому-то одному театру, будь то даже Большой. Я, конечно, понимаю, почему Света решила в конце концов перейти. В Москве перспективы гораздо больше, чем в Санкт-Петербурге: имею в виду и возможность заключения контрактов, и несколько более разнообразный репертуар, и даже то, сколько сейчас стали писать, говорить о Светлане. У нас в Мариинке она танцевала не хуже, не меньше, но известности такой, как теперь, не было. Ведь любой талант надо преподнести, подать... А Захарова достойна мировой славы.

— Давайте уточним важный момент: вы родом из Луцка... — Да. Но в чем важность? — ...в 10 лет поступили в Киевское хореографическое училище и 6 лет жили в интернате самостоятельно, без родителей. А то ведь есть люди, уверенные, что счастье падает примadonaм с небес и путь звезды усыпан розами!

— Уж точно не усыпан (смеется)! Самыми тяжелыми в Киевском училище были первые четыре года. И физически, и психологически. Связки, мышцы, кости — все было не готово к большой работе. Не хватало сил закончить комбинацию. Уставала дико, тело ныло. А тут еще соперничество, обиды. У детей все жестче.

— Без семьи было очень тяжело. Мама приезжала раз в две недели, но я скучала! До сих пор перед глазами картина: я, 10-летняя, стою на балконе второго этажа интерната и смотрю, как мама в сумерках уходит на вечерний поезд. Все дальше, дальше... Она плакала, я плакала... — А не возникало мысли уехать домой и поставить на хореографии точку?

— Я просилась домой, особенно поначалу! Меня и забрали — через полгода после поступления. Папа, военный, получил назначение в Германию. И родители решили взять меня с собой. Педагоги уговаривали: «Вы делаете ошибку! Не забирайте! У девочки прекрасные данные!» Но мы уехали. А еще через полгода началась выволочка советских войск из Германии — и мы вернулись. И меня снова приняли в хореографическое, в тот же самый класс.

— И опять — работа до изнеможения, по пять часов в день у балетного станка. Так

почувствовала, что-то получает! Стало интересно. — Вам было 15, когда вы победили на конкурсе имени Вагановой в Питере? — Да, я оказалась тогда самой молодой участницей. Это был международный конкурс хореографических училищ — и после него меня пригласили в Санкт-Петербургскую академию хореографии. Причем сразу на выпускной курс, перескочив через год обучения. А потом сразу в труппу Мариинки. Я проработала там шесть лет.

— И все это время вместе с вами в театральном общежитии жила ваша мама? — Одна в Санкт-Петербурге я жила месяца четыре. А потом мама уволилась и переехала ко мне, став «профессиональной» мамой балерины. Есть такая профессия, не знали?... Учеба закончилась, началась работа. Я делала первые шаги в большом балете, все было более чем серьезно — и мама помогала, поддерживала. Это ведь она предложила отдать меня в хореогра-

фию (сама в юности мечтала танцевать)... Пять лет жили с ней вдвоем в общежитии. Я едва успела купить и обустроить квартиру на Фонтанке, как поступило очередное предложение переехать в Москву. И мы поехали. Вместе.

— Скажите как авторитетный эксперт, Большой театр по-прежнему котируется в мире? Насколько высоко мы стоим в мировой таблице о рангах? — Марка Большого — гарантия аншлага. Сомнений на этот счет даже быть не должно.

— А Мариинка? — Чуть уступает. Хотя Мариинский театр сейчас на хорошем подъеме, просто историческую славу Большого затмить невозможно.

— Говорят, среди ваших горячих, преданных поклонников сам великий дизайнер Ив Сен-Лоран? — Он и поклонник, и друг, чем я очень горжусь. В Париже Ив Сен-Лоран бывал на всех моих спектаклях. На последнем в «Гранд-опера», где я выступала в балете «Лебединое озеро», он подарил мне свою книгу с дарственной надписью и благодарностью. А вообще в каждой из стран, где я выступаю, у меня появляются хорошие друзья и просто знакомые. Например, в Лондоне я дружу с семьей Ротшильдов — когда выступала в «Ковент-Гарден», они присутствуют на моих спектаклях, а после устраивают торжественный ужин. А в Токио один из поклонников — господин Микимото, президент компании «Микимото», выпускающей самый известный в мире жемчуг. С ним я дружу около пяти лет, а познакомилась на приеме после выступления в «Гранд-опера»...

— За рубежом много русских артистов, работающих там постоянно? — Немало. Кто-то репетирует, кто-то — в кордебалете, а кто-то — солидные партии танцует. Мне повелось поработать с великой Натальей Макаровой. Она репетировала со мной в Рио и в «Ла Скала» в Милане, давала важные советы. Человек она замечательный, мы с ней очень хорошо общались.

И с Михаилом Барышниковым наконец познакомилась прошлым летом в Нью-Йорке. Уж сколько времени прошло с тех пор, как он устроил мою судьбу, а мы все не были знакомы! Он предупредил заранее: «У меня только два часа». Разволновалась не на шутку. Ведь еще в училище он был моим кумиром, я видела все кассеты с его спектаклями. Когда встретилась, едва дышала. Но мы проговорили не два, а пять с половиной часов! Он потрясающий! Харизма огромнейшая. От него токи исходят. Сразу понимаю: вот это звезда!

— Звездой становится одна из... сотен? Или тысяч? Не могли бы вы вспомнить кого-то из курсников по Киевскому училищу или Петербургской академии, сделавших карьеру, похожую на вашу? — Все артисты об этом думают. И я тоже. Иногда представляю: муж, дети, воспитываю детей, храню очаг, так сказать... Ну год, ну два так проживу — а потом ведь не выдержу. Надо обязательно что-то делать. Возглавить какой-то творческий коллектив. Или заняться общественной ра-

ботой. В политику, что ли, пойти (смеется) — буду защищать интересы искусства на правительственном уровне. Почему-то уверена, что это у меня получится.

— Вы сильный человек? — Конечно. В балете надо быть сильным.

— А в чем стимул для силы? — В работе. В чем же еще? И чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю: все ради работы, жизни ради работы. Сейчас, во всяком случае, так. Потом, наверное, что-то изменится, и тогда я скажу иначе. Но пока — так.

— Вы артист об этом думаете. И я тоже. Иногда представляю: муж, дети, воспитываю детей, храню очаг, так сказать... Ну год, ну два так проживу — а потом ведь не выдержу. Надо обязательно что-то делать. Возглавить какой-то творческий коллектив. Или заняться общественной ра-

ботой. В политику, что ли, пойти (смеется) — буду защищать интересы искусства на правительственном уровне. Почему-то уверена, что это у меня получится.

— Вы сильный человек? — Конечно. В балете надо быть сильным.

— А в чем стимул для силы? — В работе. В чем же еще? И чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю: все ради работы, жизни ради работы. Сейчас, во всяком случае, так. Потом, наверное, что-то изменится, и тогда я скажу иначе. Но пока — так.

Балет — искусство жестокое. Бесталанных детей в хореографические училища не берут.

— В Киеве на курсе было 30 человек. Сейчас почти никто не танцует. Или играют в драмтеатрах, или поступили в институты, не имеющие к балету отношения. Исключение — Денис Матвиенко, его пригласили в труппу Большого. А среди выпускников академии больше танцующих. Но особенно ярких взлетов пока, наверное, нет...

Балет — искусство жестокое. Бесталанных детей в хореографические училища не берут изначально, у всех есть способности! Но потом происходят разные перемены. Судьбы ломаются. Тяжелый процесс, поверьте. Надо много трудиться, и при этом — должно что-то повезти. Обязательно!

— У многих артистов есть свои приметы, даже ритуалы, нарушить которые, особенно в день спектакля, — значит спугнуть удачу... — У меня нет. Приметы — это суеверие, а я считаю, лучше верить в Бога. Он ведет по жизни. И если вдруг выпадает испытание, я понимаю: оно дано Богом, чтобы я после своих успехов и триумфов задумалась о других вещах. Надо просто выдержать это. Бог любит своих детей — и тем, кто работает, кто верит, он всегда дает.

— Раньше пыльные поклонники дарили примам императорского балета дворцы. А сейчас что? — Цветы. Драгоценности. Дворцов нынче нет. Но квартиры дарят. Сразу ставлю точки над «и»: мне квартиру в Москве предоставил театр (смеется).

— Может ли балерина родить ребенка, вернуться на сцену и танцевать на прежнем уровне? — Это почти невозможно! Хотя имеет значение возраст: если балерина совсем юная, возможностей восстановиться у нее побольше.

— А вы решили поработать владеть и только потом... — Да ничего я не решила! Как Богу угодно будет. Я ничего не планирую. Если это случится завтра — значит, завтра. Если через 10 лет — значит, через 10. Главное, чтобы это случилось.

— Любимый человек у вас есть? — Есть. Но это все, что я считаю нужным сказать по этому поводу.

— Как полагаете, в балете вы уже всего достигли? — О нет! И мыслей много, и планов! Мечтаю, чтобы ставились какие-то номера, балеты специально для меня. Но сама

спрашивайте в киосках печати и на почте!

фото из личного архива Светланы Захаровой

...а Путин — цветы и звание заслуженной артистки России

— Вы артист об этом думаете. И я тоже. Иногда представляю: муж, дети, воспитываю детей, храню очаг, так сказать... Ну год, ну два так проживу — а потом ведь не выдержу. Надо обязательно что-то делать. Возглавить какой-то творческий коллектив. Или заняться общественной ра-

КСТАТИ

Малоизвестные факты о прима Захаровой:

- 1 Она никогда не танцевала в кордебалете, хотя год по окончании хореографической академии числилась в Мариинке артисткой кордебалета, — ей сразу начали доверять солидные партии. В 17 лет она уже танцевала Жизель.
2 Подарком с ее первой зарплаты стал фонендоскоп — купила его для брата, который в ту пору заканчивал Киевский медицинский институт. Сейчас брат Светлана, как и мама, живет в Москве, работает в медстраховании.
3 Поступая на работу в Большой, она оговорила в контракте пункт о предоставлении 40 пар балетных туфель в месяц. Обычно балерины используют в два раза меньше, но у Светланы одна пара изнашивается в репетиционный день, а на спектакль уходит по две, порой даже по три (например, в «Дон Кихоте»). Все дело — в исключительном высоком подъеме стоп: смотрятся ноги великолепно, однако пяточок пуантов изнашивается быстрее.
4 В 2004 году после долгого перерыва труппа Большого театра приехала гастролью в Париж. Первым спектаклем было «Лебединое озеро» — и Светлана в одеянии Одетты, вся в белых перьях, на высоком эмоциональном подъеме крикнула перед выходом на сцену: «За Родину!» Теперь немного смущается, когда журналисты об этом расспрашивают, но коллеги, танцевавшие тогда вместе с ней, остались под впечатлением. Успех у «Лебединого» был ошеломительный.
5 После каждого спектакля поклонники заваливают ее букетами. Часть из них Светлана относит в церковь, расположенную рядом с домом.

Модный подарок каждому читателю! Вместе с газетой «Большие бабки» теперь еженедельно бесплатно 4 полосы, посвященные самой модной головоломке сезона — СУДОКУ!

фото из личного архива Светланы Захаровой

Барышников подарил звонок из «Гранд-опера»...

Захарова Светлана

12.06.06

мире. 20 или уже вышло в историю страны. А ведь ей всего-то 27!

Крестный отец Барышников

— Поделитесь впечатлениями о недавних гастролях в Японии и Милане. Я слышала, был такой триумф, что охрана едва сдерживала поклонников...

— Там всегда так. Большой принимают потрясающе. Мы показывали «Баядерку». До нас в Японию с той же «Баядеркой» приезжал парижский «Гранд-опера». Но на наших спектаклях залы все равно были переполнены. А после выступлений на выходе из театра сотни поклонников кричали «Захарова!», тянули ко мне руки. Да, секьюрити пришлось поработать. Это притом что в Японии публика очень искусшенная — зрители многое видели, все лучше обязательно привозится к ним... А в Италии у меня есть даже свои фан-клубы: люди просматривают записи моих спектаклей, обсуждают, вывешивают на сайтах фото... И в последний раз принимали очень тепло. И в Милане, и в Токио меня узнают на улицах.

— А у нас?
— Когда как. Балетоманы узнают. А у широкой публики на памяти имена и лица тех, кто ходит на тусовки, создает вокруг себя шум. Я не из их числа.
— Правда ли, что начало вашей мировой славы положил Михаил Барышников?
— В 1999 году Мариинский театр, в котором я тогда работа-

Светлана Захарова:

Горжусь поклонником Ивом Сен-Лораном

ла, выступал в Версале, под Парижем. У нас были гала-концерты. На генеральную репетицию пришел Михаил Барышников. Позже я узнала, что он позвонил директору «Гранд-опера» и сказал: «Сходи посмотри, там есть интересная девочка». Я об этом и не подозревала. Вскоре дома раздался телефонный звонок из Парижа. Мне предложили танцевать в «Гранд-опера». Повесив трубку, я долго не могла ничего сказать, только кричала от радости. «Что случилось?!» — спросила мама. Когда я ей все рассказала, кричали вдвоем. Ведь парижский театр закрыт для приезжих, они очень трепетно относятся к собственной труппе, культивируют все свое, национальное, а русских меня был шок. И вот пять сезонов подряд я танцую на сцене «Гранд-опера»!
— Ну вот — как в Париж, так сразу согласилась, а в Большой перейти из Мариинки трижды отказывались!

— Это разные вещи: в «Гранд-опера» — индивидуальное, оговоренные по времени гастроли, а в Москве — постоянная работа. Очень серьезный шаг. Я к нему профессионально и морально готовилась.
— Когда все же перешли, долго осваивались в столичной труппе?
— Месяца два. Я как-то сразу полюбила и сцену Большого, и атмосферу этого театра, и коллектив... Уже три года мы вместе. Я научилась владеть своими эмоциями. Считаю, к людям надо относиться аккуратно и уважительно: если человек, работающий рядом с тобой, десять раз не может понять, что от него требуется, но ты все равно будешь корректно объяснять и тредо меня там не было 13 лет! У меня был шок. И вот пять сезонов подряд я танцую на сцене «Гранд-опера»!
— А питерские балетоманы не предали вас анафеме из-за «предательства» Мариинки?
— Ох, как я переживала, приехав на гастроли в Мариинский театр впервые после пере-

хода в Большой! Жуткое было состояние (смеется). Но как только вышла на сцену, раздался аплодисменты.

горький поцелуй

Фарух Рузиматов, народный артист России, солист Мариинки

Ее уход в Большой — трагедия для меня

— Света Захарова — уникальное явление в балете. На мой взгляд, в балетном мире таких, как она, больше нет. Она сконцентрировала в себе много разных свойств: и великолепные физические данные, и актерское дарование, и трудолюбие, и очень внимательное отношение к партнеру на сцене. Да, взаимоотношения с партнерами — тоже талант!.. Для меня уход Светы в Большой — трагедия личная, а для Мариинки — потеря страшная, невосполнимая. Но такие балерины, как Светлана, должны принадлежать миру, а не какому-то одному театру, будь то даже Большой. Я, конечно, понимаю, почему Света решила в конце концов перейти. В Москве перспектив гораздо больше, чем в Санкт-Петербурге: имею в виду и возможность заключения контрактов, и несколько более разнообразный репертуар, и даже то, сколько сейчас стали писать, говорить о Светлане. У нас в Мариинке она танцевала не хуже, не меньше, но известности такой, как теперь, не было. Ведь любой талант надо преподавать, подать... А Захарова достойна мировой славы.

Барышников подарил звонок из «Гранд-опера»...

фото Андрей Струнина, Александра Курова (ИТАР-ТАСС)

— Давайте уточним важный момент: вы родом из Луцка...
— Да. Но в чем важность?
— ...в 10 лет поступили в Киевское хореографическое училище и 6 лет жили в интернате самостоятельно, без родителей. А то ведь есть люди, уверенные, что счастье падает примадоннам с небес и путь звезды усыпан розами!
— Уж точно не усыпан (смеется)! Самыми тяжелыми в Киевском училище были первые четыре года. И физически, и психологически. Связки, мышцы, кости — все было не готово к большой работе. Не хватало сил закончить комбинацию. Уставала дико, тело ныло. А тут еще соперничество, обиды. У детей все жестче.
— Без семьи было очень тяжело. Мама приезжала раз в две недели, но я скучала! До сих пор перед глазами картина: я, 10-летняя, стою на балконе второго этажа интерната и смотрю, как мама в сумерках уходит на вечерний поезд. Все дальше, дальше... Она плакала, я плакала...
— А не возникало мысли уехать домой и поставить на хореографии точку?
— Я просилась домой, особенно поначалу! Меня и забрали — через полгода после поступления. Папа, военный, получил назначение в Германию. И родители решили взять меня с собой. Педагоги уговаривали: «Вы делаете ошибку! Не забирайте! У девочки прекрасные данные!» Но мы уехали. А еще через полгода начался вывод советских войск из Германии — и мы вернулись. И меня снова приняли в хореографическое, в тот же самый класс.
— И опять — работа до изнеможения, по пять часов в день у балетного станка. Так

фию (сама в юности мечтала танцевать)... Пять лет жили с ней вдвоем в общежитии. Я едва успела купить и обустроить квартиру на Фонтанке, как поступило очередное предложение перебраться в Москву. И мы поехали. Вместе.
В Лондоне дружу с Ротшильдами
— Скажите как авторитетный эксперт, Большой театр по-прежнему котируется в мире? Насколько высоко мы стоим в мировой таблице о рангах?
— Марка Большого — гарантия аншлага. Сомнений на этот счет даже быть не должно.

Балет — искусство жестокое. Бесталанных детей в хореографические училища не берут.

— В Киеве на курсе было 30 человек. Сейчас почти никто не танцует. Или играют в драмтеатрах, или поступили в институты, не имеющие к балету отношения. Исключение — Денис Матвиенко, его пригласили в труппу Большого. А среди выпускников академии больше танцующих. Но особенно ярких взлетов пока, наверное, нет...
— Балет — искусство жестокое. Бесталанных детей в хореографические училища не берут изначально, у всех есть способности! Но потом происходит разные перемены. Судьбы ломаются. Тяжелый процесс, поверьте. Надо много трудиться, и при этом — должно еще повезти. Обязательно!
Примаам дарят цветы, камни, квартиры
— У многих артистов есть свои приметы, даже ритуалы, нарушить которые, особенно в день спектакля, — значит спугнуть удачу...
— У меня нет. Приметы — это суеверие, а я считаю, лучше верить в Бога. Он ведет по жизни. И если вдруг выпадает испытание, я понимаю: оно дано Богом, чтобы я после своих успехов и триумфов задумалась о других вещах. Надо просто выдерживать это. Бог любит своих детей — и тем, кто работает, кто верит, он всегда дает.
— Раньше пыльные поклонники дарили примаам императорского балета дворян. А сейчас что?
— Цветы. Драгоценности. Дворцов нынче нет. Но квартиры дарят. Сразу ставлю точки над «и»: мне квартиру в Москве предоставил театр (смеется).
— Может ли балерина родить ребенка, вернуться на сцену и танцевать на прежнем уровне?
— Это почти невозможно! Хотя имеет значение возраст: если балерина совсем юная, возможно вернуться восстановившая у нее больше.
— А вы решили нарабатывать власть и только потом...
— Да ничего я не решила! Как Богу угодно будет. Я ничего не планирую. Если это случится завтра — значит, завтра. Если через 10 лет — значит, через 10. Главное, чтобы это случилось.
— Любимый человек у вас есть?
— Есть. Но это все, что я считаю нужным сказать по этому поводу.
— Как полагаете, в балете вы уже всего достигли?
— О нет! И мыслей много, и планов! Мечтаю, чтобы ставились какие-то номера, балеты специально для меня. Но сама

танцевать не хочу и никогда не буду. Это не мое, это мне неинтересно. Я — исполнитель, а не постановщик. Я умею прочувствовать, выразить, показать — и сделать это на высшем уровне. Танцевать хочется, танцевать!
— Но балетный век недолог. Закончился — и тогда что?
— Все артисты об этом думают. И я тоже. Иногда представляю: муж, дети, я воспитываю детей, храню очаг, так сказать... Ну год, ну два так проживу — а потом ведь не выдержу. Надо обязательно что-то делать. Возлупить какой-то творческий коллектив. Или заняться общественной ра-

...а Путин — цветы и звание заслуженной артистки России

ботой. В политику, что ли, пойти (смеется) — буду защищать интересы искусства на правильном уровне. Почему-то уверена, что это у меня получится.
— Вы сильный человек?
— Конечно. В балете надо быть сильным.
— А в чем стимул для силы?
— В работе. В чем же еще? И чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю: все ради работы, жизнь ради работы. Сейчас, во всяком случае, так. Потом, наверное, что-то изменится, и тогда я скажу иначе. Но пока — так.

Рита Болотская.

КСТАТИ

Малоизвестные факты о примае Захаровой:

- Она никогда не танцевала в кордебалете, хотя год по окончании хореографической академии числилась в Мариинке артисткой кордебалета, — ей сразу начали доверять сольные партии. В 17 лет она уже танцевала Жизель.
- Подарком с ее первой зарплаты стал фондоскоп — купила его для брата, который в ту пору заканчивал Киевский медицинский институт. Сейчас брат Светланы, как и мама, живет в Москве, работает в медстраховании.
- Поступая на работу в Большой, она оговорила в контракте пункт о предоставлении 40 пар балетных туфель в месяц. Обычно балерины используют в два раза меньше, но у Светланы одна пара изнашивается за репетиционный день, а на спектакль уходит по две, порой даже по три (например, в «Дон Кихоте»). Все дело — в исключительно высоком подъеме стоп: смотрятся ноги великолепно, однако пяточок пуантов изнашивается быстрее.
- В 2004 году после долгого перерыва труппа Большого театра приехала с гастролями в Париж. Первым спектаклем было «Лебединое озеро» — и Светлана в одеянии Одетты, вся в белых перьях, на высоком эмоциональном подъеме крикнула перед выходом на сцену: «За Родину!» Теперь немного смущается, когда журналисты об этом расспрашивают, но коллеги, танцевавшие тогда вместе с ней, остались под впечатлением. Успех у «Лебединого» был оглушительный.
- После каждого спектакля поклонники заваливают ее букетами. Часть из них Светлана относит в церковь, расположенную рядом с домом.

Модный подарок каждому читателю!

Вместе с газетой «Большие бабки» теперь еженедельно бесплатно 4 полосу, посвященные самой модной головоломке сезона — судоку!

СПРАШИВАЙТЕ в киосках печати и на почте!